

ЧИТАЙТЕ В СЕРИИ:

ДЕВОЧКИ МОИ

ПРОСТО ВСПОМНИ ОБО МНЕ

**ДВЕ ЖЕНЩИНЫ
В ЗАМКНУТОМ ПРОСТРАНСТВЕ**

НАВАЖДЕНИЕ ПЬЕРО

ПОД КРАСНОЙ КРЫШЕЙ

ПРИСНИСЬ

ГНЕЗДО АИСТА

КАК В КИНО

**ЮЛИЯ
ЛАВРЯШИНА
КАК В КИНО**

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л13

Оформление серии *Дафни Васильченко*
Иллюстрация на переплете *Юрия Щербакова*

Лавряшина, Юлия Александровна.
Л13   Как в кино / Юлия Лавряшина. — Москва : Эксмо,
2024. — 320 с.

ISBN 978-5-04-202504-4

Романа и Лизу — брата и сестру — связывает не только кровное родство. Они состоят в творческом тандеме как режиссер и сценарист, пытаясь пробиться в мир кино.

Но что, если их крепкие узы — всего лишь иллюзия?

Все начинает рушиться, когда в жизни Романа и Лизы появляется Ася — юная студентка, умеющая мечтать по-крупному.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Лавряшина Ю., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-202504-4

* * *

— Алло! Я что — потеряла счет времени? Мне казалось, ты только уехал. Хочешь сказать, что встреча уже...

— Нет, конечно. Я же выехал десять минут назад.

— Вот и я о том же... А почему звонишь? Что случилось?!

— Да не паникуй ты! Я просто хотел кое-что спросить... Ты давно была у Вари?

— Н-не помню. Пару недель назад.

— Точно?

— Нет... Кажется, еще в сентябре, но вот какого числа... Не скажу. А что такое?

— Потом объясню. Значит, это не ты...

— Не я? Ромка, да что случилось?! Слушай, я могу сходить к ней прямо сейчас. Все равно пишется не очень...

— Уже не стоит.

— А... Так ты у нее?

— Я перезвоню после встречи. Только ты особо не жди ничего, вряд ли мы с этим придурком найдем общий язык.

— А ты не настраивайся так! Его последний фильм совсем неплох, мы же говорили...

— Его заслуги в этом нет. Режиссер был хороший.

— Ты еще лучше!

— Ладно. Уговорила, — проурчал брат умиротворенно.

«Мне это не составило труда, — подумала Лиза с нежностью. — Ты так любишь, когда тебя хвалят... А кто из нас не любит?»

Буквально на днях они с Романом за ужином рассуждали о том, что кинематограф зиждется на тщеславии авторов больше любого другого вида искусства. Можно годами писать в стол, завесить картинами стены мастерской, сочинять музыку для себя самого, танцевать в своей спальне. Но кто снимает кино для себя? Не видео, понятное дело, а настоящее кино... Для фильма нужны актеры, оператор и еще целая толпа людей, которым нужно платить. Без больших денег кино не бывает... А тебе вряд ли дадут снять следующий фильм, если предыдущий положили на полку.

— Алло? Лиза, ты здесь? Я поехал.

— Так все-таки где ты сейчас? Что происходит?

Не дав ответа, телефон затих рядом — темный младенец, которого всегда носишь с собой... Впрочем, что ей об этом известно? Не рожала. Нет, это не было жизненной позицией, просто так сложилось. Все скоропостижные любви Лизы Воскресенской оказались бесплодны.

Опустив пальцы на выпуклые квадратики клавиатуры ноутбука, она привычно уцепилась взглядом за самолет, который день за днем пытался оторваться от земли, а Лиза лишь наблюдала за ним из окна.

Иногда с состраданием, чаще безразлично, не фантазируя о том, что это светло-сиреневый одноместный экипаж самой Весны, каждый год покидающей Подмоскovie слишком стремительно, чтобы пользоваться каретой или, на худой конец, поездом. Тут нужен самый быстрый транспорт, который к тому же не придется ни с кем делить, ведь Весна, несмотря на свой непобедимый оптимизм, так же одинока, как Осень, роняющая в эту минуту за окном слезы безнадёжности. У октября нет ни малейшей надежды, что природа сможет выжить после его ухода, ведь Зиме не обмануть.

«И мою зиму тоже. — Лиза старалась думать об этом без содрогания. — Она уже ближе, чем хотелось бы — сороковник маячит на горизонте...»

Студеного дыхания возрастной осени она пока не ощущала. Да и младенца не так уж хотела — ее сердце целиком занимал брат, и это не менялось много лет. Ситуация была не совсем правильной, ведь Ромка давно вырос, и Лиза сознавала: их жизнь вышла не такой, как у всех... Только разве их вина была в этом? Они спасались как могли, точно жертвы кораблекрушения, вдвоем выжившие в океане, который то затихал, то гневался, но никак не позволял добраться до суши. Когда еще в школьные годы смотрели «Титаник», Лиза кипела от ярости: почему Роза не подвинулась и не дала Джеку место рядом с собой?! Разве они вдвоем не поместились бы на той двери? И выжили бы вместе...

Когда Роман уже поступил в главный киношный вуз страны, на занятиях им показали удаленные из того фильма сцены, которые как раз и объясняли, почему Джек остался в воде. Брат примчался домой,

запыхавшийся и прямо на кухне, где Лиза накрывала на стол, разыграл не вошедшие в «Титаник» сцены. Так она узнала, что Роза хотела спасти любимого, но, когда Джек пытался забраться на ту же дверь, она норовила опрокинуться. В тот момент к ним подплыл мужчина, который тоже хотел спастись, забравшись к Розе, но Джек не пустил его, отрезав: «Места хватит только для леди».

— Теперь ты ее простила? — Брат смотрел на Лизу насмешливо, но она-то знала, что он и сам испытал облегчение, узнав, что героиня любимого фильма его детства не была эгоисткой.

Когда они смотрели «Титаник», их собственная жизнь еще не потерпела крушение, столкнувшись с ледяным айсбергом, но их счастливое плавание уже подходило к концу. Иногда Лизе казалось, что, если б в детстве они с братом чаще других пересматривали другой фильм, их жизнь могла бы сложиться иначе...

«Не может быть, чтоб все остальные жили так же и с ними тоже постоянно что-то случалось», — порой Лизу мучительно тянуло подглядеть за соседями, перебраться через ограду, заглянуть в окно и убедиться, что там тихо потрескивает озорной камин, на столе исходят паром чашки с чаем, а напротив взрослых сидят румяные и здоровые дети.

В их семье все было не как у людей... Но Лиза сознавала, что если б она осталась одна, то просто бы одеревенела от тоски, превратилась в истукана с заострившимися чертами вытянутого лица с длинным носом и тонкими губами. Ей самой свое лицо казалось уродливым, а брат твердил, что

Лиза — один в один «Мадонна с книгой» Боттичелли... Еще в детстве Ромка вырезал откуда-то репродукцию (может, в любимой библиотеке стащил) и повесил в их комнате.

— Уж Боттичелли-то разбирался в красоте!

Лиза особого сходства не находила, но ее радовало, что брат восхищается ею. Она давно заметила, что Ромка чуть ли не с рождения тянулся к ней больше, чем к матери. Может, потому, что та не кормила малыша грудью, а бутылочку и сестра в состоянии была дать? Лизе исполнилось уже шесть лет, когда Ромка появился на свет, и она очень ответственно отнеслась к роли старшей сестры.

— Ну-ну, — бормотала она тоном их старой соседки, который подслушала, когда та баюкала внучку. — Кто тут у нас такой вонючка? Ничего, сейчас сменим твои каканки, и снова все будет хорошо.

Именно ей Ромка улыбнулся в первый раз и всегда от радости колотил ножками воздух, когда сестра склонялась над кроваткой. И Лизе было невмоготу отрываться от него, когда отец тащил ее сперва в детский сад, потом в школу... Сколько раз за день она смотрела на часы — и не сосчитать!

Особенно несладко ей пришлось в первом классе: Лиза Воскресенская была застенчивой, замкнутой, на переменах сидела, уткнувшись в книгу, и никогда не играла ни с девчонками, ни с мальчишками. Расцветала она, только возвращаясь домой: топоча босыми ножками, брат выбегал ей навстречу, и личико его, тогда еще круглое, сияло любовью. Кудряшки торчали надо лбом, как антенны, улавливающие сигналы прямиком из космоса, поэтому он всегда был не таким, как другие мальчишки.

Точно разноцветным пледом, Ромка согрел сестру весенней жизнерадостностью, доставшейся ему от рождения. Укутаться и зажмуриться, чтобы не видеть своего отражения в зеркале, — чем плох такой способ выжить? Убежать от себя совсем не получится, это понятно. Но, став режиссером, Роман открыл ей путь к спасению: погружаясь в жизнь персонажей, о которых писала в сценарии, Лиза начисто забывала о собственной.

Встав из-за стола, она откатила стул, прошлась по кабинету, снова вернулась к окну. Самолет был на месте. Окруженный гигантскими колобками все еще зеленых в разгар осени кустов, он застыл на взлете, нацелившись на трубу их дома.

— Однажды он все же взлетит и снесет нашу крышу, — беспокоилась Лиза в шутку.

Установили самолет в центре поселка еще до того, как Воскресенские построили здесь дом со стенами солнечного оттенка, который любили так, точно он был живым. Они даже дали ему имя — Лимонадный Джо, не столько из-за цвета, сколько в память о фильме, который Ромка обожал в детстве. Лиза к этой чешской пародии на ковбойские боевики относилась более чем равнодушно, но противиться названию не стала. Ей приятно было, что с домом можно было поговорить, как с человеком.

— Как ты? Не мерзла ночью? — входя утром, спрашивала она комнату, где они устроили библиотеку.

Трогала стены, проверяла подоконник. Обводила пальцем прямоугольники картин, подаренных Ромке знакомыми художниками, сдувала пылинки со светло-кофейной глади большого овального стола,

в центре которого летом всегда стояла вазочка с полевыми цветами, а зимой — композиция из елочных веточек и свечей. В гостиной Лизе хотелось поставить кабинетный рояль, чтобы на его поверхности радостно вспыхивали солнечные искры, но никто из них не умел играть. Правда, к Роману как-то приезжал композитор, писавший музыку для их фильма, вот его обрадовала бы встреча с инструментом... Кажется, тогда Лизе впервые и пришло в голову, что им не хватает рояля.

— Вот разбогатеет и купим, — обещала она Лимонадному Джо, хотя ему хватило бы и банджо.

Рояль стал бы уже вишенкой на торте, а главным оставалось то, что у них появился настоящий, красивый дом. Слишком долго брат с сестрой мечтали о своем жилье и все еще не могли до конца поверить, что наконец обрели собственную крышу над головой.

Да и сам поселок напоминал заколдованное существо, даже имя которого до сих пор оставалось загадкой. Участок они покупали в «Лесном озере», именно это название значилось и на монументальном въезде, где были установлены шлагбаумы, а из будки выглядывали и улыбались милейшие люди — семейные пары охранников, сменяющие друг друга первого числа. Но по официальным документам Воскресенские поселились в «Лесном гнезде». И это, конечно, звучало правильнее: разумнее ведь жить в гнезде, а не в озере... Но все равно каждый раз брат с сестрой путались и отвечали с заминкой, если нужно было назвать адрес.

— Мы с тобой никуда не улетим, — проговорила Лиза вслух, глядя на застывший в вечном порыве самолет. — А зачем? Мы никуда и не рвемся, правда?

С распахнутых крыльев, все еще розовеющих надеждой, срывались капли, которые она различала из окна своего кабинета на втором этаже — зрение у Лизы оставалось острым. А воображение мощным: она ощущала мокрый холод воображаемых касаний, и по спине пробегали мелкие волны озноба.

«Счастье, что я могу работать дома и не нужно в такую мерзкую погоду тащиться на службу. Все же сценаристом быть лучше, чем режиссером». — Она подумала о брате, хотя Роман тоже не пешком в Москву отправился, на машине.

* * *

Сегодня ему предстояло встретиться с продюсером, который вроде как собирался доверить Воскресенскому работу над новым фильмом. Станиславу Могулову, про которого Роман всегда отзывался: «Дурак на мешке с золотом», неожиданно понравилась его последняя режиссерская работа.

— Да плевать мне на его мнение, — бурчал Роман, но Лиза чувствовала, как брат доволен. Еле сдерживается, чтобы не завопить от радости.

Хотя их разделяли шесть лет, которые в детстве многим кажутся непреодолимой пропастью, они всегда оставались на одной волне. Скорее всего, потому, что в отличие от обычных девочек Лиза отчаянно не хотела взрослеть, неспроста подозревая, что ее не ждет ничего хорошего (как и оказалось!), а Роман опережал своих приятелей в развитии и таскал у родителей взрослые книги. Некоторые он прочел раньше, чем Лиза, и подсунул ей. Она не смущалась,

легко уступая ему пальму первенства и в этом, и во многом другом.

В те годы у парней еще не вошло в моду делать мелкую завивку, но Ромка был курчавым от природы, как их отец. И вообще, здорово походил на него — подвижные черные глаза, брови вразлет, широкий, улыбчивый рот на узком лице, выступающие скулы. В отцовском роду было намешано столько кровей, что Лиза даже не пыталась выделить национальность, повлиявшую на них с братом сильнее, хотя в Романе откровенно проступало цыганское начало, потому его в школе и дразнили Яшкой, хотя фильм про неуловимых мстителей уже тогда считался старым...

Лизе достались светлые мамины волосы, поэтому никто не верил, что они с Романом брат с сестрой, и в киношных кругах Воскресенских часто принимали за пару. Иногда они даже не старались прояснить ситуацию — да какая разница?!

Поддразнивая брата, Лиза язвила:

— Вот прямо слышу их шепот: «И как это такой классный парень живет с бесцветной молью? Да она же еще и старше его на десяток лет! Что не так с этим Воскресенским?!»

Но это было, конечно, до того, как он влюбился в Варю: ее могла обидеть подобная двусмысленность, которая брату с сестрой казалась комичной. Чтобы избежать пересудов за спиной, Лиза вообще перестала бывать на творческих тусовках. Тем более там уместно было появление режиссера Романа Воскресенского и продюсера Вари Харитоновой (Варварой она себя никогда не называла). Лиза была всего лишь

сценаристом... Кто вообще помнит имена сценаристов? И уж тем более знает их в лицо?

Первыми нелепую ошибку допустили редакторы телеканала, проявившие интерес к сценарию о Сергее Рахманинове, который Воскресенские придумали вместе, едва Роман окончил ВГИК. Не один год они тщетно пытались пристроить историю, которая им самим казалась глубокой и поэтической драмой, достойной любимого композитора. Ромка чуть не сошел с ума от радости, когда орал сестре в трубку:

— Их зацепило! Ты представляешь?! Они готовы снимать!

Девушка-продюсер сама настояла, чтобы он привел на встречу и сценариста, встретила их приветливо, и Лиза даже слегка расслабилась, хотя для нее подобная встреча была внове.

— Чай? Кофе?

Они оба выбрали кофе, чтобы лучше соображать и не терять бдительность. Брат предупредил ее, что им предстоит плавать с акулами — отворачиваться не следует... Все улыбаются, но это ничего не значит: одна опытная дама из киноиндустрии без смущения откровенничала в общей компании, что идеи сценариста ничего не стоят, это не документ, и она заимствует их без зазрения совести. Другое дело — готовый сценарий, да еще зарегистрированный, за такое можно огрести проблем!

— Эти девочки с канала такие же: сопрут твой замысел и глазом не моргнут, — настраивал Роман.

И добился того, что у Лизы от страха просто выскакивало сердце, пока они поднимались на лифте. Была бы лестница — бросилась бы бежать вниз...

Потом слегка успокоилась, познакомившись с редакторами. Вроде адекватные люди, не такие уж гламурные, как она опасалась. Самая взрослая из них вообще, как добрая бабушка, куталась в шаль и часто моргала за линзами очков.

Но вскоре Лиза почувствовала, как в небольшой переговорной возникло напряжение. Оно зависло духотой, забивавшей горло, хотя никто не курил. Все дело было в Романе — он оказался в этой компании единственным мужчиной, к тому же молодым и симпатичным, и у продюсера блестели глаза, когда она смотрела на него. А он со всеми разговаривал отстраненно, по-деловому, и только Лизе улыбался, то и дело в разговоре касаясь ее рукой. Такая привычка у него выработалась еще в детстве, Рома словно подзаряжался от сестры... Но кто об это знал, кроме нее?

В голосе одного из редакторов прозвучала откровенная надежда:

— Он ведь был еще тем бабником?

— Кто? — опешила Лиза. — Рахманинов?! Да бог с вами! Он вел переписку со знакомыми женщинами, в том числе с поэтессой Мариэттой Шагинян...

— Это мы у вас прочли.

— Но не более того! Сергей Васильевич безумно дорожил своей Наташей, которая дала ему то, чего ему отчаянно не хватало, — дом, семью, заботу.

— Это плохо...

Роман прищурился, точно хотел их всех уложить одним выстрелом:

— Вам желтизны не хватает?

Внутренне ахнув, Лиза незаметно сжала под столом его колено. Продюсер качнула аккуратной головой — каждая волосинка знала свое место.